

1.

Пахло прелью. Стыло и противно, как после нудного ночного дождя, насытившего влагой не только землю, но и воздух, стены домов, выгнавшего из газонов миллионы червей, которые укроют тротуар плотным ковром; старайся — не старайся, все равно будут мерзко трещать под подошвами...

Но червей не было. Не было и тротуара, город пропал — Крайнев стоял на поросшей травой малоезженной лесной дороге. Здесь тоже прошел дождь, трава была мокрой, повисшие на ней капли сияли в солнечных лучах, пробивших кроны придорожных берез и сосен. Запах прели исчез, воздух был напоен ароматом смолы и хвои. Крайнев осмотрелся. По дороге недавно прошли или проехали: капли на траве, росшей вдоль колеи, были сбиты, темный след пропадал за близким поворотом. Густой куст лещины закрывал дорогу далее, но за поворотом кто-то был. Крайнев слышал голоса, громкие, но не отчетливые, за поворотом что-то происходило и происходило нехорошее. Крайнев сделал шаг и остановился, томимый предчувствием. Ему не следовало туда идти. Совершенно не следовало. Это не его дело. Надо сойти в сторону, затаиться за кустами и подумать, где это он и как вообще здесь оказался? Так будет правильно. Так по уму...

Невдалеке послышались легкие шаги, и Крайнев понял, что не успеет спрятаться. Его увидят, если уже не увидели. Страх затопил его сверху донизу, перехватил горло, сделал тяжелыми ноги... Он замычал от ужаса — и очнулся...

Он сидел в кресле за письменным столом, перед ним светился прямоугольник монитора: среди водорослей и гротов виртуального аквариума плавали виртуальные рыбы. Привиделось... Крайнев вздохнул и придвинул папку с отчетом...

Час спустя он отложил папку и тронул кнопку вызова делопроизводителя. За дверью застучали каблучки, и в кабинет впорхнула блондинка в мини-юбке. «Маша, ее зовут Маша», — вспомнил Крайнев, хмуро глядя на новенькую. Неделю назад управление кадров выпроводило на пенсию Олимпиаду Григорьевну, его прежнего делопроизводителя, толковую и надежную, как автомат Калашникова. Так считал Крайнев. У кадровиков было иное мнение — они бывали на семинарах по управлению персоналом, где постигали заграничный опыт... Олимпиаду отстоять не удалось. Вместо нее прислали Машу. Факультет иностранных языков, курсы делопроизводства и папа — чиновник средней руки в небольшом, но очень важном ведомстве. Крайнева настоятельно просили Машу не обижать.

— Вызывали, Виктор Иванович? — спросила Маша, улыбаясь.

«Нет, просто так кнопку жал!» — хотел сказать Крайнев, но промолчал. Молча сделал приглашающий жест. Маша процокала к столу и склонилась к начальнику. Крепкий запах дорогих духов обдал Крайнева, молочные полушария Машиной груди едва не вываливались из глубокого выреза. Крайнев торопливо двинул к ней папку.

— Отнесите Пищалову.

— Что передать? — Маша многообещающе улыбалась.

— Ничего.

Маша недовольно прижала папку груди и зацокала к дверям. Юбка, едва прикрывавшая ягодицы, давала возможность оценить длину ее ног.

— Постойте! — не сдержался Крайнев. Маша повернулась к нему вся в ожидании. — Когда с вами заключали контракт, предупреждали о дресс-коде?

Маша кивнула.

— Почему не соблюдаете?

Маша потупилась.

— «Служащий банка всегда выглядит по-деловому и аккуратно, — злорадно процитировал Крайнев. — Женщинам рекомендован строгий костюм, блузка не должна иметь глубокого выреза, а юбка — быть слишком короткой...» Возьмите памятку, которую вам вручили в управлении кадров, и перечитайте. Рекомендую выучить. Инструкции надо знать...

Маша выскочила из кабинета начальника пунцовой.

— Зануда! — сказала, бросая папку на стол Пищалову.

— Иваныч? — улыбнулся Пищалов. Он придвинул к себе папку и, быстро пробегая листы взором, стал перебрасывать их влево.

— Юбка моя ему не нравится! — не унималась Маша. — И декольте...

Пищалов скользнул взглядом за вырез блузки делопроизводителя и с трудом отвел глаза. «Да уж...» — мысленно вздохнул он, продолжая листать отчет. И вдруг замер. Одна из цифр в правой колонке была жирно отчеркнута.

— Блин!

Пищалов схватил мышку компьютера и защелкал ею, открывая файл. Ровные столбцы «иксэля» плавно сменялись на дисплее монитора.

— Вот! — Пищалов горестно застонал. — Ошибка в переменной... Как он это чувствует? Ведь не видел исходных цифр...

— Я, может, для него так оделась! — гнула свое Маша.

— Зря... — рассеянно заметил Пищалов, стуча по клавиатуре. — Иваныч — человек строгих правил. Приучили в армии...

— Он был военным? — удивилась Маша.

— Пять лет. Капитан запаса.

— О-о! — глаза Маши округлились. — Спецназ?

— Военный финансист. Тот же бухгалтер, только в погонах.

— У-у-у... — разочарованно протянула Маша.

— Что «у-у-у»? Комдив рыдал, когда Иванович отказался продлять контракт.

Пищалов сказал это так, что стало ясно: комдив, конечно же, не рыдал, но был расстроен.

— Ну? — удивилась Маша.

— Баранки гну! — сердито отозвался Пищалов, включая принтер. — Видишь? — он указал на папку. — Он и в армии так. Каждую цифру нюхом чует. Гений! Сколько инспекций в дивизию приезжали — голяк! Рупь к рублю! Зубами скрежетали...

— Вы много о нем знаете!

— Койки в училище рядом стояли. Потом часть. Служили два товарища в одном и том полке... — фальшиво пропел Пищалов и умолк, поняв, что Маша этот фильм не видела. — Только я в капитаны не вышел. Старлей.

— Почему вы его по отчеству? Если вместе служили...

— С училища пошло. Серьезный парень.

— Ну?! — Маша облокотилась на стол, придвинувшись почти вплотную к Пищалову.

Тот в очередной раз нырнул взглядом в ее вырез и сглотнул.

— Тебе лучше его не злить.

— Подумаешь!..

Маша повернулась и пошла к своему столу. Пищалов проводил ее заинтересованным взглядом.

«Ишь, задом вертит! — подумал он. — И эти сиськи... Двух слов связать не может, все „ну“ да „у-у“, а судит! Не дай бог Витя на нее западет! Высосет всё! Жизнь поломает...» — Пищалов остановил взгляд на обручальном кольце и вздохнул...

Въезд во двор преграждал вагончик с надписью «Городские электросети». Крайнев просигналил. Из-за вагончика показалась фигура в спецодежде, недружелюбно глянула в его сторону и скрылась. Но вагончик медленно двинулся

и откатился на пару метров, освобождая дорогу. Крайнев тронул педаль газа и, проезжая, заметил, как трое рабочих суетятся у открытого люка, заталкивая вниз толстый силовой кабель. «Опять кому-то напряжения не хватило, — подумал он. — Что на этот раз? Бассейн с подогревом? Или ночной клуб в квартире? Совсем ошалели, уроды...»

Крайнев припарковал микровэн на единственном свободном месте у дома и вышел наружу. Среди дорогих автомобилей, стоявших вдоль «сталинки», его букашка смотрелась гадким утенком. Соседи, разъезжавшие на сараобразных внедорожниках или юрких спорткарах, поглядывали на Крайнева презрительно. Он не обращал внимания. Крайнев не уважал пустых людей, а нувориши, сменившие прежних жильцов его дома, большей частью были именно такими. Один, едва поселившись, пришел к Крайневу и ультимативным тоном потребовал продать квартиру. Одной нуворишу было мало, он собирался объединить две и тем самым утереть нос остальным жильцам. Новый сосед держался нагло, по всему было видно, что просто так не отвяжется.

— Пять миллионов долларов! — спокойно сказал Крайнев.

Сосед хватил ртом воздух и побагровел.

— За маленькую трешку с проходными комнатами?!

— Я владелец этой квартиры и вправе назначить цену, какую пожелаю, — холодно заметил Крайнев. — Если вы не в состоянии заплатить, зачем беспокоите?

В руках он как раз держал «Уолт стрит джорнал», оригинальную англоязычную версию, сосед бросил взгляд на заголовок газеты и ничего не ответил. С той поры он учтиво здоровался с Крайневым, очевидно подозревая в нем тайного мультимиллионера. Крайнев вежливо кланялся в ответ. На том их общение и заканчивалось.

Квартира досталась Крайневу от родителей, вернее бабушки. Сначала в ней жила бабушка с мужем, заместителем министра, затем бабушка с мамой, отец появился позже. Родители Крайнева работали переводчиками в издательстве. Своего единственного сына они обожали и с детства учили

языкам: отец говорил с ним только по-английски, мать — по-немецки. Только бабушка предпочитала русский, ворча, что у ребенка от этих выкрутасов случится неладно с головой. Неладно не случилось; у маленького Вити оказалась замечательная память, к пяти годам он отлично болтал на всех языках, в семь его отдали в специализированную школу, где на уроках иностранного он учился по отдельной программе, чтоб не скучать среди безнадежно отставших сверстников. В двенадцать Витя осиротел: самолет, на котором родители летели в санаторий, разбился. Те дни навсегда врезались Крайневу в память: много посторонних людей в квартире, цветы и венки под увеличенными портретами папы и мамы, какие-то речи строгих мужчин, и, перемежаемые всхлипываниями, горькие слова женщин... Гробов не было. Месяц спустя доставили две урны, которые они с бабушкой отвезли в колумбарий. Витя почти не плакал, как и бабушка, они просто окаменели на время. Потом жизнь стала налаживаться, хотя радости и счастья, как было до катастрофы, в ней случалось мало. С тех пор, как умерла бабушка, стало и того меньше...

Крайнев бросил ключи на столик в прихожей, переделся и прошел в кухню. В морозильнике он перебрал пакеты с готовыми блюдами, выбрал куриную грудку с зеленым горошком, сунул ее в микроволновую печку и включил телевизор. За ужином он просмотрел выпуск новостей, хмыкнул, услышав об очередном падении фондовых индексов, и отправился в зал. Там сел к компьютеру и открыл биржевые сводки. Это не входило в круг его обязанностей, но цифры, которые сейчас выстраивались на экране, со временем появятся в отчетах, отчеты проверит внутренний аудит, то есть Крайнев... Он помнил котировки за несколько лет, будь то цена акций или металлов, оправдать потери, сославшись на предшествовавшую дню заключения сделки котировку или более свежую, в банке не удавалось никому.

Рано потеряв родителей, Крайнев пристрастился к чтению. Когда сверстников водили в цирк или театр, подросток Витя сидел за книгами — библиотека в доме оказалась богатой. Уже тогда он обнаружил, что с ходу запоминает

цифры, текст и рисунки; он легко мог воспроизвести их потом на бумаге — даже год или два спустя. Учился он легко, как в школе, так и в военном училище. Особенно любил его преподаватель тактики. Наука побеждать не считалась важной в училище войск тыла. Курсанты прекрасно понимали, что их будущее оружие — калькулятор, а не танк или автомат. Крайнев, знавший назубок тактико-технические данные российской и иностранной техники, ходил у «тактика» в любимчиках. К тому же отличник-курсант метко стрелял, уверенно анализировал ошибки в обороне или наступлении и выказывал находчивость в решении неожиданно поставленных сложных задач.

— Тебя бы в строевики! — вздыхал «тактик» после его докладов. — Генерал пропадает! Зачем такого к бумагам?..

Крайнев отмалчивался. Еще в училище он решил: в армии не останется. Страна, которую люди в форме столько раз спасали от беды, перестала относиться к ним с уважением. Офицеры ютились в разваливающихся домах, их денежного довольствия не хватало, чтоб содержать семью, телевидение и газеты воспевали тех, кто больше наворовал. Героями фильмов стали бандиты. Международные и отечественные организации боролись за права заключенных, за улучшение условий их содержания. Крайнев пять лет жил в старом, продуваемом ветрами бараке с удобствами во дворе, никакие общественные организации это не волновало. Барак именовался «офицерским общежитием», зимой в нем было жутко холодно, а летом душно. Не голодал он только благодаря охоте. Тайга начиналась сразу за забором, на дивизионном складе было полно древних винтовок и патронов к ним. Комдив смотрел на браконьерство подчиненных сквозь пальцы — людям надо было есть. Крайневу повезло с наставниками: скоро он сам в одиночку мог скрадывать крупного зверя и добывать его. Коренной москвич, выросший в тепличных условиях, он быстро приспособился: мог неделю не мыться, спать на снегу у разведенного костра, свежевать кабана и печь еще теплое от крови мясо на углях. Он научился седлать коня и ездить верхом — иной транспорт для охоты в тайге не годился. Крайнев гордился

своим умением, но эта жизнь ему не нравилась. Его одноклассники, учившиеся куда хуже его, получали престижные дипломы за границы; у единственной кормилицы Крайнева — бабушки, не было денег даже для студента московского вуза. Поэтому Крайнев выбрал военное училище. Здесь одевали и худо-бедно кормили...

Покончив со сводками, Крайнев еще немного поблуждал по новостным сайтам, заглянул в электронные библиотеки, где скачал несколько новинок. Память его «ибука» была забита, поэтому он оставил файлы на рабочем столе и выключил компьютер. Большие часы на стене показывали девять. Крайнев сунул диск с фильмом в лоток плеера и перешел к тренажерам. Он давно заметил, что монотонные и трудные упражнения выполняются споро, когда смотришь интересный фильм. Лучше всего про войну. Наблюдая за лихой танковой атакой из фильма «Освобождение», Крайнев с удовольствием крутил педали, затем поднимал и опускал железо, чувствуя, как радуются застоявшиеся за день мышцы. Покончив с обязательным комплексом, он принял душ и прилег на диван отдохнуть. И тут на него пахнуло прелью...

Он снова стоял на той же лесной дороге, светило солнце, впереди за кустом разговаривали, а позади слышались шаги. Крайнев обернулся. С боковой тропинки на дорогу выскочила девчушка в пиджачке и длинной юбке; увидев Крайнева, она испуганно замерла. Крайнев приложил палец к губам и дал знак оставаться на месте. Девчушка испуганно закивала, а Крайнев двинулся к кусту лещины, закрывавшему поворот. Мокрая трава вмиг остудила босые ноги, но Крайнев, если и почувствовал это, то не обратил внимания. Осторожно раздвинул гибкие прутья орешника...

На дороге, прямо у куста, стояла телега. Возле нее, спиной к Крайневу, задирая руки, топтался солдат в длинной гимнастерке, замызганных защитных шароварах и обмотках. За спиной солдата болтался карабин. «Мосин, образца 1938 года», — машинально отметил про себя Крайнев. Два

всадника верхом на лошадях держали солдата на прицеле винтовки. На всадниках были пилотки и форма мышинового цвета. Немцы?..

— Кто это? — спросил ближний к солдату всадник, указывая дулом. Крайнев присмотрелся и различил сквозь ограждение бортика телеги человека, лежавшего на охапке сена. Виднелись забинтованная голова и безжизненно свисавшая с телеги рука.

— Кто это? — сердито повторил всадник, и Крайнев вдруг сообразил, что тот говорит по-немецки. Солдат, которого допрашивали, стоял неподвижно, и Крайнев понял, что тот не понимает.

— Брось, Эрих! — сказал второй всадник. — Один большевик везет второго. Все ясно.

— Вдруг кто важный? — возразил Эрих. — Гауптман велел брать «языка».

— Если и важный, тодохлый, — сказал второй, заглядывая в повозку. — Такой «язык» гауптману не понравится.

— Возьмем этого? — спросил Эрих, указывая на солдата дулом винтовки.

— Что он знает? — презрительно отозвался второй немец. — Не видишь, обозник, из мобилизованных, даже не ефрейтор. В лагере их полно. Тащить еще одного? Гауптман послал нас разведать, на не собирать пленных.

— Как скажешь, — пожал плечами Эрих и сердито ткнул пленного стволом. — Оружие!

В этот раз солдат понял. Осторожно, одной рукой стащил с плеча карабин и за ремень протянул немцу. Тот забросил свою винтовку за спину, взял карабин и слегка оттянул рукоятку затвора.

— Патрон в стволе! — удивленно сказал он напарнику. — Обозник собрался воевать!

— Ну и покажи ему войну! — хмыкнул второй.

Эрих направил карабин на пленного. Крайнев увидел, как гимнастерка на спине солдата мгновенно потемнела. Но выстрела не последовало.

— Не получается! — удивился Эрих, поднимая карабин.

— Сними с предохранителя, — посоветовал напарник.